

A composite image featuring a woman's face on the left and a human skull on the right. The woman has light skin and blue eyes, looking directly at the viewer. The skull is positioned as if it were the right half of her face, with its eye socket and jawline visible. The background is a mix of light and dark, textured elements, possibly representing soil or a natural setting.

*ТОТ, КТО ЗАПЕРТ,
ВЫЙДЕТ*

АРИАДНА ФАЛЪК

Ариадна Фальк

Тот, кто заперт, выйдет

<https://litres.ru/74409063>

SelfPub; 2026

Аннотация

Марк, блогер по заброшкам, находит в глухой деревне старинный кованый замок. Находка приносит ему популярность, деньги и внимание загадочной женщины. Но вместе с успехом приходит одержимость. Марк меняется, теряет память, зачем-то ходит на кладбище по ночам. Его девушка Катя, ожидающая ребенка, видит кошмары и понимает: Марка хотят использовать в темном ритуале для вселения древней души.

Кате придется противостоять существу, для которого любовь стала проклятием, а бессмертие — вечной охотой. Она должна спасти Марка или потерять его навсегда.

Мистический триллер с элементами темного фэнтези о древнем зле, которое питается нашими травмами. Каббала соседствует с блогерством, а психологическая драма переплетается с ужасом вселения. О цене успеха, силе любви и замках, которые лучше никогда не открывать.

Содержание

Аннотация	4
Глава 1	5
Глава 2	27
Глава 3	36
Глава 4	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ариадна Фальк

Тот, кто заперт, выйдет

Аннотация

Марк, блогер по заброшкам, находит в глухой деревне старинный кованый замок. Находка приносит ему популярность, деньги и внимание загадочной женщины. Но вместе с успехом приходит одержимость. Марк меняется, теряет память, зачем-то ходит на кладбище по ночам. Его девушка Катя, ожидающая ребенка, видит кошмары и понимает: Марка хотят использовать в темном ритуале для вселения древней души.

Кате придется противостоять существу, для которого любовь стала проклятием, а бессмертие — вечной охотой. Она должна спасти Марка или потерять его навсегда.

Мистический триллер с элементами темного фэнтези о древнем зле, которое питается нашими травмами. Каббала соседствует с блогерством, а психологическая драма переплетается с ужасом вселения. О цене успеха, силе любви и замках, которые лучше никогда не открывать.

Глава 1

Крепкий сон Марка резко прервал будильник. Он нудно дребезжал возле самого уха. Марк, не открывая глаз, нащупал рукой телефон на тумбочке, смахнул экран и перевернулся на другой бок. В комнате пахло кофе — значит, Катя уже встала. Она всегда вставала рано, без всякого будильника, даже в выходные. Говорила ему, смеясь, что у нее внутренний таймер. Марк мог проспать и до обеда, а Кате это никогда не удавалось. Даже если накануне она ложилась в два часа ночи, в шесть она уже была на ногах.

На кухне звенела посуда, шипела кофеварка, потом Марк услышал катины шаги. Дверь спальни приоткрылась, в щель просунулась ее голова.

— Марк.

— Ммм.

— Вставай, а то сама уеду.

— Да помню я, помню. Еще два звонка, — пробормотал он в подушку.

Катерина выразительно вздохнула. Этот вздох означал что-то вроде «я знаю, что ты не встанешь с первого раза, но хотя бы сделай вид, что пытаешься». Вздох, в котором смешались укор и привычка. Марк уловил его краем сознания и улыбнулся.

Она ушла. Марк полежал еще пару секунд, потом сел, по-

тер лицо ладонями и пошел умываться. Пока теплая вода мягко будила его, он внезапно вспомнил вчерашний звонок матери. Ничего особенного — она звонила узнать, как дела, но в конце, как всегда, спела дифирамб любимому Димочке, его младшему сводному братцу. Дима прекрасно учится, наверняка закончит с красным дипломом, далеко пойдет. Дима, Дима, Дима. Общий любимец, общий ребеночек. Марк не ненавидел его, но понимал, что всегда будет вторым номером.

«Тебе бы нормальную работу найти», — иногда говорил отчим Иннокентий Павлович. Не напористо, а так, между делом, мягко, снисходительно, доброжелательно. «Как с полудурком», — вдруг подумал Марк. Он работал на аутсорсе — то грузчиком, то комплектующим, что почти одно и то же. Ему нужны были две вещи: деньги на жизнь и время на блог.

Когда Марк сдержанно огрызнулся, мать вздохнула и толкала его под столом ногой. Она во всем была согласна с мужем. «И правда, ну что это за работа — грузчик? Ты же не пьяница какой...» Ни она, ни муж не понимали, как можно зарабатывать на болтовне в Интернете. Дима одобрял блог как таковой, но был уверен, что тема так себе. «Кому, блин, это надо — заброшки? — удивлялся он. — Люди поднимают на обзорах, на фильмы, игры, ну книги там. На красивой еде. А тут развалины какие-то». «На OnlyFans тоже поднимают, и что? Туда податься?» И Дима хохотал.

Марк выключил воду и посмотрел на себя в зеркало. Ни-

чего, он им всем еще докажет, кто прав.

Дом, бревенчатый сруб, был старым, съемным, с вечно скрипучими половицами. Несмотря на всю свою старость и скрипучесть, он был красив естественной красотой, которую так любили и Катя, и Марк. Хозяин дома, пенсионер, давно жил в городе с детьми, а дом сдавал за небольшие деньги. Они могли бы снять комнату, но отсюда было удобнее добираться до заброшек, что было жизненно необходимо. Катя разделяла увлечения Марка и помогала работать над контентом.

Сначала Марк выбирал пустующие полуразрушенные дома в городе. Ему нравился индустриальный стайл. Все началось с приятелей-градозащитников, для которых он вел съемку обветшавших исторических зданий. Постепенно он настолько в это втянулся, что забыл об общественном активизме, захваченный картинками полураспада. Он начал ходить по городским заброшкам один, обзавелся дорогой камерой, подолгу искал нужный ракурс. Марку хотелось захватить ускользающую красоту, которая вот-вот превратится в прах. Несколько раз он натыкался на бомжей, возмущенных его вторжением, трижды проваливался в пол из-за сгнивших перекрытий, падал с рассыпающихся лестниц, но это его не останавливало. Однажды, когда Марк прокрался на заброшенный завод, оказавшийся режимным объектом, его поймала охрана и сдала в полицию. С ним провели беседу и отпустили восвояси. К тому времени он уже жил с Катей. Од-

нако Иннокентий Павлович откуда-то узнал об этом и сказал за столом: «Молодец, отличился». Мать подхватила: «Так до седых волос и будешь по развалинам шастать?». Все это было попыткой изобразить родительскую тревогу, но Марк знал: им нет до него дела.

Их роман начался с того, что Кате понравились посты Марка в телеграм-канале. Она была подписана на несколько таких, правда, больше поэзии она находила в жилых заброшенных домах где-нибудь за городом. Она бы и сама стала блогером-заброшником, но в одиночку бродить по развалинам — ну уж нет. С неделю Марк и Катя переписывались, потом встретились. Их сразу потянуло друг к другу. Это не был бурный роман, но им было настолько хорошо вместе, что через месяц они уже жили под одной крышей.

На кухне Марка ждали кружка черного кофе и два бутерброда с сыром и яйцом. Катя уже оделась в джинсы и шерстяной свитер. На стуле висела ее большая сумка, набитая едой и пледами — на случай, если они решат заночевать в Глухом Яру.

Марк сел за стол и взял кружку.

— Я могу и один съездить, — сказал он, глядя в кофе. — Ты бы отдохнула в субботу.

Он дразнил ее — знал, что Катя ни за что не останется дома. Но была и другая мысль, где-то в самой глубине души: если получится что-то стоящее, будет ясно, что это его идея, его находка, его успех. Не их общий, а его. В последнее вре-

мя ему хотелось доказать, что к вершине он придет без посторонней помощи. Чьей бы то ни было.

— Я и еду отдыхать, — фыркнула она. — На природе. А ты будешь со своей пищалью копать.

Катя любила эти поездки и ни за что не отказалась бы от них. Именно она подбила Марка переключиться на старинные усадьбы, храмы и заброшенные деревни. Они казались Кате куда более эстетичными, чем городской индастриал. Марк был ей за это благодарен — до поры. Потом стал думать, что она слишком уверенно присваивает то, что он сам нашел бы рано или поздно. Эта мысль была несправедливой, он это понимал и все равно думал.

Катя была редактором и работала удаленно. Марк какое-то время подрабатывал веб-дизайном, но это отнимало слишком много времени, в отличие от пары грузчицких смен. Когда он пару раз отказался от заказов, ему перестали их предлагать. Катя опасалась, что он так увлечется, что вылетит и из грузчиков, но Марк только смеялся. Грузчики, в отличие от веб-дизайнеров, нужны всегда и везде. Да и вообще блог вот-вот раскрутится.

Прагматичная Катя удерживала его на земле, когда он рвался в облака. Пока что блог приносил копейки, но она за редакторскую работу держалась крепко и никогда не отказывалась от халтур. Она любила их блог и много в него вкладывала, но не верила, что он их обогатит. Марк это знал и скрыл от нее, что влез в долги с металлоискателем и обо-

рудованием, что пару раз просрочил кредит. Потом, правда, удалось выкрутиться. Но иногда ему было стыдно и перед ней, и перед собой. Иногда ему казалось, что он ловит в ее взгляде пренебрежительное снисхождение, такое же, как у мамы и у Иннокентия Павловича.

Марк быстро позавтракал, закинул в рюкзак фонари, запасные батарейки, термос с чаем и пакет с бутербродами. Прихватил металлоискатель Garrett AT Pro, водонепроницаемый, с дискриминацией. На плечо повесил камеру Sony ZV-1 с хорошим микрофоном. Он думал о блоге. Нужна была находка — настоящая, такая, чтобы выстрелить. Чтобы подписчики росли лавиной, чтобы пошли деньги, чтобы можно было позвонить матери и сказать спокойно, без надрыва: все нормально, мам, все отлично. И пусть Иннокентий Павлович услышит. И Дима пусть услышит. Да и Катя тоже.

Марк загрузил снаряжение в багажник старого «уазика». Катя уселась на заднее сиденье, и они выехали из города.

Дорога заняла около часа. Сначала трасса, потом бетонка, потом грунтовка, изрытая колеями, где «уазик» чувствовал себя как рыба в воде. Катя уткнулась в телефон, видимо, погрузившись в чтение.

— Что читаешь? — спросил Марк.

Она что-то пробурчала про психологический роман, о людях и их выборах. Марк особо не вникал. Он слушал подкаст про историю Северо-Запада и иногда поглядывал на карту в телефоне, где были отмечены деревни, исчезнувшие с карт в

XX веке. Иногда он думал о том, что было бы, если бы они с Димкой поменялись местами. Дима в роли прожектора, а он — в роли того, кого хвалят за ужином. Он покачал головой. Глупость. Не о том думает. Какого хрена? Он давно взрослый, пора забыть о детских обидах.

Они оставили машину на краю леса, где дорога превращалась в тропинку. Солнце уже поднялось, но не грело — конец сентября, воздух пах прелой листвой и грибами. Марк взял металлоискатель и они направились по тропинке, которая местами обрывалась в пожелтевшей траве.

Через полчаса они увидели дома. С первого взгляда было понятно, что деревня давно умерла. Глухой Яр уже несколько лет как исключен из списка жилых сел региона. Провода на столбах оборваны, фонари разбиты, дороги заросли кустами. Ни машин, ни мусора, ни лая собак — никаких следов присутствия человека. Крыши домов провалились, стены почернели и покосились.

Тишина стояла такая, что было слышно, как ветер шуршит в сухой траве.

— Мы тут совсем одни, — сказал Марк. — Расслабься.

Катерина глубоко вздохнула:

— Хорошо, если так.

Она не один раз ездила с Марком в его экспедиции, но все еще боялась, что где-то затаились грабители или беглые заключенные. Марк, смеясь, уверял ее, что такая вероятность очень мала, хоть и не равна нулю.

Марк улыбнулся ей.

— Поиграем? — предложил он.

Катя помедлила, кокетливо приподняв бровь.

— Давай, — наконец ответила она. — Кто мы сегодня?

— Сначала выберем дом. В каком мы жили раньше? Выбирай.

Катя обвела взглядом полуразрушенные хибары.

— Вот в нем, — указала она рукой на избу, еще сохранявшую крепость и основательность, несмотря на посеревшие от времени бревна и отсутствие стекол в окнах.

Гонт, которым обшили крышу, не прохудился от времени, стропила не провалились внутрь. Труба была целой, казалось, из нее вот-вот повалит дым, если смотреть только на крышу.

Они поднялись на крепкое крыльцо и вошли. Внутри стояли заправленные кровати, старый деревянный стол, на кухне какие-то пустые бутылки и банки. Нашлись даже чашки и чистое ветхое полотенце. Катя взяла его в руки.

— Ну и что тебе говорит это полотенце? — с улыбкой спросил Марк.

Катя подняла глаза к потолку.

— Мы с тобой молодые супруги, недавно поженились. Я — городская штучка, закончила институт, приехала сюда на практику, преподавать в школе. Ты — лесник. Увидел меня — и пропал. Влюбился до безумия. Это наш общий дом, родовой дом лесника. Мы живем здесь вдвоем, но скоро по-

явится ребеночек. Родители лесника тоже здесь.

Это была их общая игра. Вернее, придумала ее Катя, а Марк подхватил. Они заходили в чужой дом и придумывали, кто здесь жил, становясь на время этими людьми. Они смотрели за брошенные вещи, пережившие своих хозяев, и примеряли чужие судьбы, как одежду, которую давно никто не носил. Если им попадалась заброшенная усадьба, Катя представляла ее домом помещика. «Я его жена, молодая, красивая, но несчастливая, — вдохновенно придумывала она. — Я жду, когда муж уедет в город, чтобы... ну, не знаю, чтобы спрятаться в библиотеке и читать стихи». Марк подхватывал: «Я лакей, тайно влюбленный в тебя, но ты меня не замечаешь. Или я управляющий, и тебя ко мне тянет. Я буду приносить тебе новые книги, мы будем обсуждать их у камина, а потом твое сердце дрогнет, и мы сбежим вместе. Уедем в город, откроем книжную лавку. И будем жить долго и счастливо».

— Погляди-ка, — сказала Катя. — Что это там, в углу? На шкафу?

Марк подошел к шкафу и увидел старую икону, затянутую паутиной.

Марк нашел старую икону в окладе и старательно снял ее крупным планом. Потом вручил камеру Кате, которая снимала его проходы по дому и во дворе.

Катя внимательно разглядывала икону.

— Может, заберем ее? — спросила она.

Марк пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Это ведь не наше. Мы только снимаем.

— А чье? — удивилась Катя. — Думаешь, кто-то ходит сюда молиться? Смотри, какая красивая.

Она убрала рукой паутину. Икона и правда была хороша — Богоматерь Семистрельная, редкая и довольно старая.

— Я заберу, — сказала она. — Дома поставлю или в церковь отдам.

Она осторожно сняла икону с полки, протерла какой-то тряпкой и положила в сумку.

Потом они вышли из дома. Он первым начал снимать: общий план, детали — покосившийся забор, разбитое окно, старая колода для колки дров. Говорил за кадром негромко, с хрипотцой. Пока говорил, чувствовал, как внутри что-то распрямляется. Здесь он был собой. Не сыном, который не оправдал ожиданий. Не младшим, которого не замечают. Здесь он был тем, кто видит то, что другие не замечают.

Они осмотрели еще несколько домов. Внутри было сыро, пахло плесенью и мышиным пометом. Никаких интересных находок там не было.

Через полчаса Марк наконец достал металлоискатель. Включил, настроил частоту и пошел отыскивать местечко, где было поменьше травы. Вскоре он обнаружил прямо-угольник, где ничего не росло. Просто удивительно: все упало в бурьяне и кустарниках, а этот почерневший участок

был абсолютно пустым.

— Странно, — сказала Катя, которая шла за ним по пятам. — Ни травинки. И земля какая-то черная... Что тут было?

Марк пожал плечами и медленно пошел с металлоискателем по периметру прямоугольника, постепенно двигаясь к центру. Минут через пять металлоискатель запищал. Марк остановился, провел датчиком еще раз — сигнал повторился.

— Катя, неси лопату, — сказал он. — Она там, возле дома с иконой.

Катя вздохнула. Марка вдруг резануло это. Не первый раз вздыхала — он привык. Но сейчас в этом вздохе ему послышалось что-то другое. Снисхождение. Терпение взрослого, который смотрит, как ребенок увлеченно строит замки из песка. «Как больная корова», — неожиданно для себя подумал он с холодным раздражением. Потом удивился собственной мысли. Это была не его интонация. Откуда она взялась?

Вскоре Катя вернулась с саперной лопаткой.

— Гвоздь, наверно, — сказала она. — Или подкова очередная.

— Не знаю. Но сигнал хороший.

Марк встал на колени и начал копать. Земля была влажной, податливой — наверно, долго шли дожди. Через минуту лопата звякнула о металл.

Марк пошарил в яме рукой и вытащил непонятный пред-

мет. Отчистив его от земли и внимательно разглядев, он понял, что это. В руке у него был большой амбарный кованый замок. В скважине торчал ключ, почти весь ушедший в нее. Замок был очень старый, возможно, сделанный сто, а то и двести лет назад. Тяжелый — килограмма два.

Марк повертел его в руках. Что-то в этой тяжести было притягательным, основательным. Как будто этот замок ждал именно его. Не Катю или еще кого, а именно его, Марка.

Катерина стояла рядом, держа телефон на вытянутой руке.

— Что это? — спросила она. — Какой-то старый замок?

— Ты не понимаешь, — сказал Марк, не отрывая глаз от находки. — Ему может быть двести лет. Смотри,ковка ручная, пазы под старый механизм. Это не просто замок, это вещь с историей.

— Ну и что? Он же никуда не годится. Его, скорее всего, и открыть-то нельзя.

Марк поднял на Катю глаза. Вот опять эта интонация — снисходительная, мягкая, как будто взрослый говорил с ребенком. Или ему показалось? Он не был уверен, но злился. Он слышал эту интонацию всю жизнь. За столом у Иннокентия Павловича, в голосе Димки, когда тот объяснял что-нибудь очевидное, в тоне матери, которая не возражала, но и не защищала.

— Поснимай меня с ним, — сказал Марк слегка раздраженно.

Катя вытаращила глаза.

— С ним? Да зачем? Замок и замок, что в нем интересного?

— Пожалуйста, — сказал он с нажимом. — Я покажу его в блоге. Это интересно, понятно тебе? Не каждый день находишь амбарный замок, которому лет двести-триста.

Катя опять тяжело вздохнула, выразительно пожалала плечами, но навела на Марка камеру. Он повертел замок перед объективом, показал ключ, застрявший в механизме, и сказал:

— Нашел вот такую штуку. Явный антиквариат. Кто знает, что за замок и откуда он, пишите в комментариях. Дома попробую его открыть. Если получится — покажу, что внутри.

Катерина выключила запись.

Марк молча упаковал замок в рюкзак, обернув тряпкой. И снова подумал о Кате с тем же холодным раздражением, которое его самого озадачивало. Почему сегодня она так его раздражает? Она не сделала ничего нового. Всегда была такой — осторожной, здравомыслящей, с поджатыми губами, когда не одобряла. Он раньше находил в этом опору. Сейчас ее забота показалась ему клеткой.

«Ведет себя как мамаша, а не как девушка», — мелькнула мысль.

Они расположились на пледе на траве и с аппетитом пообедали. Катерина прислонилась к нему спиной и что-то чи-

тала в телефоне, Марк пил чай из термоса и разглядывал замок. Он предвкушал, как очистит его от ржавчины, как повернет ключ и откроет. Это будет его момент. Не их — его. Он несколько раз брался за ключ, но тот застрял намертво.

Теплая спина Кати расслабляла его, действовала умиротворяюще. Он отложил замок и чашку и обнял ее за плечи. Она удовлетворенно вздохнула. И тут раздался громкий звук с соседней крыши, как будто звякнуло железо. Оба от неожиданности вздрогнули и посмотрели на провалившуюся крышу, на трубе которой сидела огромная ушастая птица и смотрела прямо на них горящими желтыми глазами.

— Что это? — прошептала Катя. — Огромный какой!

В этот момент птица тяжело снялась с места, пролетела мимо них и скрылась в направлении леса.

— Филин, — ответил Марк. — Странно: птица-то ночная. Что он тут забыл? Наверно, спал в доме, а мы его разбудили. Первый раз его вижу, только по ушам и узнал. И правда здоровенный.

Они помолчали, обоим было не по себе. Но потом филин забылся, и каждый уткнулся в свой смартфон. Прошло еще с полчаса.

— Слушай, — сказала Катя. — Я читаю приметы про замки. Вот: «Металлические предметы аккумулируют магическую энергию. На них переносят порчу, снятую с пострадавшего человека, или заряжают негативом. Навесной замок непонятного происхождения, обнаруженный в месте, куда

могли проникнуть посторонние люди, нельзя использовать в хозяйстве. Уберите его из дома, не прикасаясь к металлу голыми руками. Можно закопать его в землю или бросить в проточную воду. Недоступность мира мертвых для живых подчеркнута его запиранием на замок во многих культах».

Закончив чтение, Катя выразительно взглянула на Марка. На несколько секунд он ощутил странную тревогу — настоящую, с холодком под ребрами. Потом что-то внутри как будтохлопнулось, и он рассмеялся.

— Отлично! Можешь зачитать это перед подписчиками. Такой контент хорошо заходит. Добавишь, что уговаривала меня бросить замок, сама прихватила икону, чтобы ослабить дурную примету, но я не послушал тебя и все-таки взял его. И теперь на нас должны обрушиться несчастья, о которых мы будем рассказывать подписчикам.

Катя скривилась.

— Я люблю наш блог, но развивать его ценой наших несчастий не готова.

Наш блог. Марк покосился на нее. Она говорила «наш блог» легко, привычно, как что-то само собой разумеющееся. Но это был его блог. Его идея, его камера, его голос за кадром. Катя помогала — да, ее помощь была существенной, но идеи-то принадлежали ему, Марку.

Он поймал себя на этой мысли и не стал ее прогонять.

— Да не настоящих же, Кать. Придумаем чего-нибудь. Спустило колесо, в доме появился призрак, ну или барабаш-

ка...

— «Поднимать подобные вещи на улице строго запрещено, — перебила его Катя. — Даже если на глаза попался новый замок. То же самое касается ключей — как ржавых, так и новых».

Марк тоже начал рыться в телефоне и зачитал собственную цитату.

— Вот, смотри. «Ключи относят к атрибутам святого Марка, которого в народе называли ключником. По поверьям, именно он владеет чудо-ключами, отпиравшими засовы небесной кладовой с дождями, грозами и снегом». Мой святой имеет ключи, а у меня будет замок. Не вижу в этом ничего плохого.

Он сам не заметил, как голос его стал тверже. Как будто он не шутил, а отстаивал какие-то ценности.

В машине они молчали. Марк смотрел на дорогу, Катя — в окно. Он думал о замке, о странном выжженном прямоугольнике без единой травинки, о том, что находка была не случайной. Что-то в нем это знало. Надежный тыл — это хорошо, конечно. Катя умная, Катя помогает. Но блог должен быть его проектом, а не их общим достижением, которое потом растворится в совместном быте, как все растворялось — его идеи, его порывы — в ровном голосе Иннокентия Павловича и в материнской снисходительной усмешке. На этот раз не растворится. На этот раз он дойдет до конца сам.

Дома Марк сразу начал возиться с замком. Промыл водой,

тщательно протер. Промыл бензином. Напшикал на ключ и в скважину WD-40, подержал, протер ветошью. Повторил дважды. Отмыл, высушил феном — теплым воздухом, аккуратно, чтобы не перегреть металл.

Замок стал другим. Черным, но с благородным блеском. Кованные линии проступили четче. Он повернул его в руках — тяжесть была приятной, как у старого оружия.

Ключ все еще не проворачивался. Марк налил «Кермет», от которого ржавчина отходила слоями. Подождал и попробовал еще раз — ключ поддавался.

— Кать, — позвал он. — Выйди, поснимай. Я сейчас его открою.

Она вышла из комнаты, нехотя взяла камеру, встала у стола и навела ее на Марка. Потом опустила.

— Что-то мне не по себе. Может, не стоит его открывать?

Марк смотрел на нее во все глаза. Да что с ней такое сегодня? Хотя нет — что с ним такое сегодня, что ее осторожность, которая раньше была просто частью ее характера, теперь ощущалась как личное оскорбление?

— Да почему, блин? Из-за примет? Выкини их из головы и приступай. Как ты говоришь — запирает мир мертвых от мира живых? Переносит порчу? Давай, снимай. Я все это изложу в камеру своими словами. Наведи сначала на замок крупным планом.

Катя вздохнула и сделала то, о чем он попросил.

— Итак, мы привезли замок домой, — начал Марк. — По

дороге Катя нашла кучу страшных примет про замки. На них наводят порчу, сводят болезни, с их помощью отделяют мир мертвых от мира живых. И вот сейчас...

Марк сделал театральную паузу.

— Сейчас я открою этот замок. И мы узнаем, на что он способен. Та-дам!

Марк одной рукой поднял замок над столом, а другой повернул ключ. Дужка дернулась, внутри хрустнуло, и ключ провернулся. Марк аккуратно вытянул дужку — замок раскрылся. Он поднял его над головой дужкой вниз, хвастаясь своей победой. И тут из замка что-то выпало.

Марк наклонился и поднял свернутую в трубочку сильно пожелтевшую бумажку с выцветшими чернилами. Он развернул ее и увидел латинские буквы, которые местами почти стерлись. «Asher naul, yetse. Asher nishbar, yakum. Asher met, yihye». Придя в восторг, он продемонстрировал свою находку камере.

— Как видите, в этом замке действительно есть какие-то тайны, — сказал он возбужденно. — Сейчас попробуем прочесть, что здесь написано.

Он начал читать вслух, запинаясь, — слова были непохожи ни на один знакомый ему язык.

— Ашер науль, йеце. Ашер нишбар, якум. Ашер мет, йихье.

Когда последнее слово слетело с его губ, Марка охватило странное ощущение: как будто в комнате их уже не двое, а

появился кто-то третий. Будто кто-то прикасался к нему — не грубо, не пугающе, а почти нежно. Это чувство было настолько отчетливым, что он сделал знак Кате, чтобы перестала снимать. Камера дернулась в ее руках, она поежилась.

— У нас сквозняк? — спросила она, и голос ее дрогнул.
— Холодом вдруг подуло.

— Наверное, — сказал Марк.

Но он понимал, что это не сквозняк. Что-то случилось, когда он прочел эти странные слова. Как будто тонкая нить натянулась между ним и тем, что спало там, в ржавом замке. Он ждал, что почувствует страх. Но страха не было. Было что-то похожее на узнавание.

Катя помолчала.

— Я уберу это, — сказала она и взяла бумажку со стола.
— Спрячу, чтобы ты не потерял. Вдруг пригодится.

Она положила бумажку в ящик стола. Это снова вызвало у Марка раздражение — острое, почти злое. Он уже считал своим все, что связано с замком. Она не имела права прикасаться к этому. Ни к бумажке, ни к замку, ни к тому, что за ними стоит.

Открытый замок лежал на столе. Марк поднес его к лицу и зачем-то понюхал. От него пахло ржавчиной и машинным маслом, но был и другой запах: затхлый, землистый, с примесью гари и чего-то еще, похожего на ладан. «Запах времени», — подумал Марк. Запах чего-то очень старого и... *терпеливого*? Почему это слово пришло в голову?

Катерина выключила свет в комнате и ушла в спальню, сказав на ходу:

— Давай, заканчивай со своим железом. Пойдем спать.

— Иду, — ответил он, но продолжал держать замок в руках, вдыхая странный запах.

Потом, когда она уже легла, он выключил свет на кухне и растянулся на старом диване. Диван стоял у окна, и лунный свет падал на стол, где лежал открытый замок. Марк смотрел на него, пока не провалился в сон.

Ему снилась деревня, в которой они были днем. Тишина, провалившиеся крыши, черные проемы окон, трава по пояс. Он стоял у выжженного прямоугольника пустой земли без единой травинки, там, где нашел замок. В левом углу была яма, которую он вырыл. Над ней колыхалась какая-то бледная тень, похожая на дым. Она шевелилась, но не рассеивалась. Марк смотрел на нее, и внутри у него все холодело. Но ноги не слушались — он не мог ни приблизиться, ни отступить.

— Ашер науль, йеце, — раздался низкий мужской голос. Не снаружи — изнутри, как будто кто-то говорил его собственными мыслями, только чужими словами. — Ашер нишбар, якум. Ашер мет, йихье. Ты открыл замок, освободил меня, и будешь вознагражден. Надо лишь закончить дело.

Марк хотел что-то сказать, но не мог выговорить ни слова. Тень над ямой качнулась. Голос зазвучал снова — тихий, по-

что ласковый, как голос того, кто знает тебя давно и хорошо.

— Ты устал быть вторым, Марк. Я это вижу. Ты всю жизнь стоишь за спиной у других, и тебя не замечают. Я дам тебе то, что ты заслуживаешь. Настоящее. Твое.

Марк хотел возразить, что это неправда, что он не думает так о себе, что все нормально. Но слова не шли. Потому что где-то в глубине души он знал, что это правда. Именно это он чувствовал всю жизнь, только никогда не формулировал настолько прямо.

— Здесь, в Глухом Яру, в тысяча восемьсот пятнадцатом, жил человек по прозвищу Морокун. Он пришел издалека. Местные убили его и сожгли дом. Расскажи об этом всем, и ты получишь то, что хочешь. Тебя услышат. Тебя запомнят. Ты будешь первым. Расскажи об этом всем, пусть все тебя слышат, пусть все знают. Она поймет, она придет...

На последних словах голос понизился до шепота, и было в нем что-то удивительно печальное.

Тень над ямой дрогнула и начала оседать, будто втягиваясь в землю. Вскоре и яма исчезла. Поверхность была ровной, как раньше.

Марк открыл глаза и сел. Во рту было сухо, голова кружилась. Уже давно рассвело: солнце вовсю светило в окно, заливая стол желтым светом. Замок лежал на тумбочке. Он быстро встал, нашел ручку и записал: «Глухой Яр, Морокун, 1815 год».

Потом открыл ноутбук и начал искать. Руки не дрожали.

Голова была ясной. Он не думал о том, откуда голос и что это было. Он думал только о том, что нужно найти подтверждение, вещественное доказательство, что это был не просто сон.

Глава 2

Катя проснулась позже Марка, что было удивительно. Когда она в шесть утра, по привычке не нуждаясь в будильнике, вышла на кухню, он уже сидел за компьютером, впившись глазами в монитор. Кружка с кофе стояла нетронутой.

— Ты чего не спишь? — спросила она, протирая глаза.

— Сон странный приснился, — сказал он, не оборачиваясь. — Про колдуна из той деревни. Решил проверить, есть ли что-то в архивах.

— В каких архивах? Сновиденческих? Может, лучше в сонниках посмотреть?

Марк только отмахнулся.

Катя подошла поближе и взглянула на экран. Она увидела старые краеведческие записки, отсканированные с пожелтевших страниц. Марк смотрел на них, не отрываясь. Когда он находил что-то интересное для блога, глаза у него горели, и он мог сидеть так часами. Но сейчас было что-то другое. Не увлеченность, а напряжение. Как будто он исполнял некий долг.

— Нашел что-нибудь? — спросила она, пытаясь быть серьезной.

Ищет сон в архивах, надо же.

— Да. Вот посмотри, — он подвинул ноутбук к ней. — Здесь рассказ очевидца. 1815 год.

Катя подвинула ноутбук к себе, чтобы видеть текст целиком. Это были не сухие записки краеведа, а рассказ очевидца, записанный в 1840-х годах собирателем фольклора. Марк пролистал вниз, туда, где начинался самый подробный фрагмент.

— Читай вслух, — сказал он. В голосе его слышалась нота торжества.

Катя наклонилась к экрану и начала читать: «В селе Глухой Яр, что верст тридцать от уездного города, в лето от Рождества Христова 1815-е явился чужеземец. Никто не видел, откуда он пришел — будто сама земля его родила или ад исторг. Одеянием темный, лицом бледный, глаза недвижные, как у рыбы. Назвался Григорием. Сказал, что ученый, лечит травами и заговорами. Сперва бабы к нему бегали: у кого дитя не спит, у кого корова не доится. Помогал без отказа. Но не всем. Кто ему перечил, у того беда была».

Катя остановилась перевести дыхание. В тексте не было ничего жуткого — какие-то деревенские бредни двухсотлетней давности, — но ей почему-то стало страшно. Она подняла глаза на Марка. Он смотрел на нее немигающим взглядом, будто гипнотизировал. Сначала ей стало смешно: он что, пытается ее напугать?

Катя продолжила чтение: «Жена Гаврилы кузнеца не раз видела, как Морокун ночью ходит на кладбище. Стала говорить, что служит сей пришелец сатане, всей деревне рассказывала. После Гаврила нашел ее в овине мертвую. Глаза откры-

ты, рот разинут, а в руке — горсть земли. Видать, та земля была с погоста. Гаврила хотел идти к Григорию с топором, но наутро сам слег — и через неделю помер, а перед этим онемел».

Катя поежилась.

— Читай дальше, — сказал Марк.

Она продолжила: «Летом того же года Григорий нанял девку Марию, сироту с околицы, помогать по хозяйству. Кто-то видел, как они вдвоем направились в сторону погоста ночью. С тех пор стала сохнуть Мария, в свои пятнадцать лет стала похожа на дряхлую старицу. И в уме немного повреди-лась. То говорила на чужом языке, бесовском каком-то, то хохотала, как безумная. А потом и вовсе пропала. Морокун говорил, что в лес ушла и не вернулась. Через три дня охотники нашли Марию в лесу у старого дуба. Горло было прокушено, будто зверем, но следов зверя не было. Вокруг ее тела на земле были начертаны круги. Такие же круги люди видели у Григория на заднем дворе. Тогда заговорили о нем, что он не человек, а мертвец, что из земли встал. А душу он из нее высосал, как паук муху. Потому и тело ее сохнуть стало на глазах».

Катя замолчала. Продолжать не хотелось. Но Марк смотрел на нее, и она чувствовала, что он рассердится, если она бросит читать.

Катя продолжала: «Собрался мир. Мужики взяли колья и вилы, пошли к его избе. Он стоял на пороге и не двигался.

Когда Степан Хромой спросил: "Что ты сделал с Марией?", Григорий улыбнулся и сказал: "Похоронил я сироту, она теперь в земле". Тогда Степан ударил его вилами — а вилы соскользнули, будто по маслу. И тут заметили мужики: не стоит Григорий на земле, а будто парит над ней. Засмеялся и говорит: "Нельзя убить мертвого". Разбежались в страхе мужики. А на завтра пришли с огнем. Вышел он их встречать, а они давай стрелять. Две пули попали в него, и закричал он страшным криком. Затащили его в дом мужики, подперли дверь и подожгли. А он стоял и смотрел на них из окна, пока дом горел, и улыбался. От дома ничего не осталось, и от Морокуна ничего не осталось. И трава на этом месте больше не выросла, и никогда не вырастет».

Катя закончила и взглянула на Марка. Он пришел в страшное волнение, чуть ли не подпрыгивал на своем компьютерном кресле. Глаза его горели от восторга.

— Ты понимаешь, что это? — сказал он срывающимся голосом. — Идеальный материал. Тут тебе и мистика, и канва историческая, и вещественное доказательство — замок. Наконец-то повезло!

Катя обхватила кружку обеими руками. Ей вдруг стало холодно, хотя в кухне и на улице было тепло. Она смотрела на него и пыталась понять, что именно ее беспокоит. Не текст, не замок, а сам Марк. Что-то в нем было не так — не со вчерашнего вечера даже, а с той самой минуты, когда он открыл этот проклятый замок. Как будто вместе с дужкой что-то от-

крылось внутри него.

— Ну не знаю, — сказала она, и голос ее дрогнул. — Тема немного выбивается из блога, тебе не кажется? История хороша, не спору. Но уж больно закручено. Могут решить, что ты просто нашел старый замок и что-то поверх накрутил. И почему ты ищешь сон в архивах? Тебе что, приснилась эта история с сожжением?

— Не совсем, — ответил он. — Мне приснился кто-то... не знаю, кто это был. Он говорил со мной во сне. Просил всем рассказать про этого Морокуна. И назвал год его убийства. Я проверил и год, и историю, и все совпало.

Катя хотела съязвить, что если он будет черпать контент во снах, можно обойтись и без поездок, но посмотрела на Марка и передумала. Лицо напряженное, челюсти сжаты. Он с усилием подавлял что-то — раздражение? Бешенство? Она не знала, но чувствовала: если она скажет еще хоть слово, вспыхнет ссора. И не обычная их ссора, после которой можно помириться за чаем, а что-то другое, от чего их отношения могут разлететься вдребезги.

— Ладно, — буркнула она. — Делай, что считаешь нужным.

— А то, — ответил Марк и отвернулся к компьютеру.

Катя стояла еще секунду, глядя на его спину. Широкую, знакомую, в той самой серой футболке, в которой он любил работать. Совсем недавно она могла подойти сзади, обнять его за плечи, зарыться лицом в его волосы. Сейчас что-то

мешало. Не он — она сама не могла сдвинуться с места, как будто между ними уже выросло что-то невидимое, но почти осязаемое.

Катя тихо вышла из кухни.

Ей не хотелось оставаться с этим новым Марком на весь день. Она созвонилась с подругой, договорилась встретиться у Ботанического сада, погулять по городу и зайти в кафе. Нарядилась в женственное платье, подкрасила губы, выбрала маленькую сумочку и пшикнула духами на запястье. Марк всегда был чувствителен к запахам и не любил, когда она уходила куда-то без него, да еще принарядившись. Еще пару дней назад он, учуяв запах духов, тут же поинтересовался бы, куда это она собралась. Но на этот раз он даже не обернулся.

Перед выходом Катя вспомнила про икону. Достав Семистрельную из сумки, она бережно протерла ее и поставила на комод в спальне. Богоматерь смотрела прямо — спокойно и серьезно.

— Ну, я пошла, — сказала Катя в сторону кухни.

— Ты еще здесь? — буркнул он. — Иди, иди. Отдохни от меня.

Прозвучало это так, будто он сказал: «Дай мне отдохнуть от тебя». Этой усталой раздраженной интонации у него раньше не было. Или была? Катя вдруг усомнилась в собственной памяти — и это было неприятнее всего.

На улице она остановилась и обернулась на дом. Окно

кухни было освещено. Силуэт перед монитором не двигался. Обычная картина. Но что-то в ней было не так, как прежде.

Она отвернулась и пошла к остановке.

Они с Викой отлично провели время до вечера. Болтали, гуляли, в кафе обсуждали фильмы и работу. Но где-то в глубине катиной души то и дело возникала мысль, что их счастливая жизнь с Марком вскоре изменится. Она станет совсем другой, и вернуться к прежнему уже не получится.

— Что с тобой? — спросила Вика, уловив настроение подруги. — Ты какая-то подавленная.

Катя вздохнула.

— Марк второй день какой-то странный. Огрызается, отмахивается, злится. Смотрит как будто сквозь меня.

— Может, ревнует? — предположила Вика. — Он ведь ревнивый. И обидчивый.

— Да к кому ревнует-то? Мы же практически не расстаемся.

— Почаще отдыхайте друг от друга, — посоветовала подруга. — Вот как сегодня. И лучше не на день уходить из дома, а на пару-тройку. Тогда мужчина после выходок в себя приходит и ведет себя по-человечески. А если им глаза постоянно мозолить, они устают. Да и мы тоже. Давай съездим на следующие выходные куда-нибудь на экскурсию, в коротенький тур. Устроим себе детокс от бытовухи.

Кате идея понравилась. Она подумала, что расскажет об этом Марку, и он обрадуется — он всегда любил, когда она

что-то планировала. Потом рассказывать расхотелось. Она вообще больше не уверена ни в чем, что касается Марка. И как это некстати — ведь у нее задержка уже на три недели, и если она залетела, то надо сказать по-любому.

Когда Катя вернулась домой, Марк уже спал. Она постояла под душем, надела ночную рубашку и тоже легла. Сон был беспокойным. Кто-то гнался за ней, она пряталась и убегала. Мужской голос что-то нашептывал ей в ухо, интонации были ласковыми и страстными, а язык — чужим, так что она не понимала ни слова. Чьи-то руки начали ее ласкать, к ней прижалось сильное мужское тело. Она вздрогнула и проснулась. Марк сжимал ее в объятиях и шептал какое-то слово. Катя было обняла его в ответ, но то, что она слышала, заставило ее оттолкнуть его изо всех сил. Он чуть не упал на пол и тут же вскочил.

— Что такое? — пробормотал он. — Ты сдурела?

Глаза его были сонными.

— Как ты меня назвал? — прошипела она. — Каким именем?

Марк хлопал глазами, пытаясь прийти в себя.

— Назвал? Именем? — переспросил он. — Да я спал как сурок. Зачем ты меня толкнула?

— Ты лежал на мне, ласкал и что-то бормотал. А потом назвал каким-то странным женским именем. Чужим!

Он протер глаза и зевнул.

— Быть того не может, — сказал он сквозь зевоту. — Я

спал, понятно? Как можно ласкать кого-то во сне? Короче, спокойной ночи. И не смей толкаться, поняла?

Он лег, отвернулся к стене и заснул. Катя долго смотрела в потолок, растерянная, подавленная. Имя, которое он произнес, она слышала четко. Феодора. Он назвал ее Феодорой. Катя хотела убедить себя, что просто не расслышала, что это был бессмысленный сонный бред. Но она расслышала, это точно.

Усталость постепенно взяла свое, и вскоре она тоже провалилась в сон. Перед тем как закрыть глаза, она посмотрела на комод, где стояла икона. В темноте Семистрельная была почти невидима. Почти — но не совсем. Катя не могла объяснить почему, однако ей показалось, что присутствие иконы в комнате — это хорошо. Что это важно. Она не была особенно верующей, но сейчас это ощущение было отчетливым, как прикосновение.

Она закрыла глаза.

На кухне, в лунном свете, лежал на столе открытый замок.

Глава 3

Эдик Анисимов был горьким пьяницей бог знает в каком поколении. Лет до сорока он еще мог работать в долгую, но потом автоматом вылетал после первой же зарплаты — за прогулы. Поэтому брали его неохотно, даже в такие места, где почти не было желающих трудоустроиться. Постепенно он опускался все ниже, и вся его трудовая деятельность свелась к подработке грузчиком, а дополнительный доход шел с мелких краж и собирания всего, что можно сдать в пункт приема металлолома. В последнее время Эдик открыл новые уголья на старом полузаброшенном деревенском кладбище. Железные прутья оград, железные пирамидки старых надгробий — кому они сейчас нужны? Поскольку на кладбище давно никого не хоронили, а родственники усопших навещали своих очень редко, Эдику никто не мешал мародерничать.

Он проснулся под вечер с жуткого похмелья. Ни капли спиртного в доме не осталось. Эдик отправился к местной самогоннице Козлихе за бутылкой в долг, но та наотрез отказалась.

— У меня все записано, — сказала она скрипучим старческим голосом, тыча Эдику под нос общую тетрадь с фамилиями. — И даты, и суммы. Ты мне должен около пяти тысяч. В долг не дам. Пошел вон.

Эдик скроил жалобную мину, но Козлиха была неумолима.

— Мать, хоть стакан налей, трубы горят! Завтра, клянусь — все погашу! Сегодня что-нибудь раздобуду.

— Ночью, что ли, раздобудешь? — скривилась Козлиха.
— Ладно, стакан, так и быть.

Трясущимися руками Эдик принял не очень чистый стакан и проглотил самогон залпом. Какое облегчение. Теперь он сможет добраться до кладбища и как следует поохотиться.

Прихватив тачку и подручные инструменты, Эдик за полчаса добрался до места. Ворота были на замке, но справа был пролом, куда спокойно можно было въехать на машине. Удивительно, как сюда еще не добрались профессиональные охотники за металлом.

Тихо, стараясь не шуметь, Эдик двигался к дальнему краю кладбища. Стакан, милосердно поднесенный Козлихой, сделал свое дело — на душе было почти хорошо. Могилы были старые, поросшие травой и кустарником. Но неожиданно глаз уловил изменение пейзажа. Характерный прямоугольник был засыпан цветами, при свете луны можно было различить пару венков. Свежее захоронение. На секунду у Эдика мелькнула мысль, что он и сам бы не прочь упокоиться здесь, прямо на рабочем месте. От этой мысли ему сначала стало смешно, а потом неуютно и жутковато.

Эдик двигался к противоположной стороне кладбища, свежая могила была справа. И вдруг услышал бормотание.

Мужской голос что-то бубнил вполголоса на непонятном языке. Эдик встряхнул головой в надежде, что голос исчезнет, но он все так же бубнил и становился громче. Белая горячка начинается? Кто из живых тут может быть, кроме него самого?

Эдик остановился и прислушался. Неожиданно он заметил у свежей могилы какое-то движение. Сердце забилося сильнее. Присмотревшись, он разглядел силуэт молодого парня. Венки были сдвинуты в сторону, рядом лежала куча земли. Парень склонился над ямой и что-то бормотал, стоя к Эдику спиной.

Ярость и страх охватили его одновременно. Это были его угодья. Его.

Ноги Эдика сами понесли его к свежей могиле. Он вынул из тачки ломик и перехватил его поудобнее.

— Эй! — крикнул он грозно. — Ты что делаешь?! Вали отсюда, пока цел!

Парень как будто ничего не слышал. Он стоял на коленях неподвижно, держал руки в земле и что-то шептал. Те же слова, снова и снова, как заведенный. Эдик не понимал языка, но ритм этого бормотания был таким монотонным и таким неживым, что волосы на руках встали дыбом.

Эдик подошел вплотную и толкнул парня в плечо. Тот слегка качнулся — под рукой чувствовалась живая плоть, теплая, но какая-то ватная, расслабленная, как у человека в глубоком трансе.

— Ты кто такой, мать твою? А ну пошел отсюда!

Фигура медленно повернулась. И Эдик, закаленный годами пьянства и драк, отшатнулся в ужасе. Глаза парня закатились настолько, что были совершенно белыми, без зрачков. Рот слегка приоткрыт. Лицо — не злое, не страшное само по себе, просто пустое.

— Что за хрень... — пролепетал Эдик.

Парень молчал. Он встал с колен, смотрел то ли на Эдика, то ли сквозь него, и не говорил ни слова. Эдик в ужасе отступил на шаг назад.

Но это было еще не все. Он услышал странный звук, как будто мертвец вставал, откинув сгнившую крышку гроба. Свет луны закрыла огромная тень. Это взлетел огромный филин с одного из крестов, раскинув огромные крылья, и завис прямо над Эдиком. Оцепенев, он в ужасе таращился на птицу, и показалось ему, что видит он не птицу, а старика в странном черном балахоне, с древним лицом, изрезанным морщинами. Его глаза горели желтым дьявольским огнем.

Крик застрял у Эдика в горле. С трудом заставив себя двигаться, он развернулся и побежал к выходу, повизгивая от страха, как щенок. Обернувшись, он увидел, как филин бесшумно парит за ним. Он появлялся рядом, то справа, то слева, беззвучный и неотвязный, как собственная тень.

Эдик бежал, не разбирая дороги, пока не уткнулся в кладбищенскую ограду. Хотел перелезть, но у него кончились силы. Он привалился к забору и обернулся. Птица зависла пря-

мо перед ним. Парень вдалеке так и стоял у могилы, неподвижный, как статуя, и пялился своими бельмами куда-то вдаль.

— Ты все испортил, — прошелестел голос у него в голове. — Ты за это заплатишь.

Что-то сдавило ему горло. Желтые глаза птицы стали огромными. Эдик не чувствовал хватки — не было ни боли, ни давления. Просто он не мог дышать. Что-то медленно вытягивали из него, как нитку из клубка.

Из головы Эдика исчезли все мысли. Он забыл, зачем бежал между могилами, зачем пришел на кладбище, забыл, сколько ему лет и как его зовут. Забыл Козлиху, стакан и тачку. Он больше не помнил, кто он такой. Он смотрел на могилы мутными глазами, ничего не понимая. Его поглотила пустота, и в этой пустоте он умер.

Птица зависла над ним еще мгновение, потом медленно растворилась в ночном воздухе.

Молодой человек у могилы по-прежнему стоял неподвижно, глядя куда-то сквозь деревья. Потом моргнул — один раз, медленно, как человек, который только что вынырнул из глубокой воды. Огляделся. Увидел темноту, кресты, луну. Не увидел ничего необычного. Он закончил свое дело и развернулся, чтобы уйти. Его шаги были ровными, как будто он точно знал, куда идет. Он прошел мимо тела Эдика, не заметив его.

Глава 4

Катя проснулась от скрипа кровати. Она решила, что Марк опять встал ни свет ни заря и куда-то уходит. Но, к ее удивлению, он не вставал, а ложился. Его майка была мокрой от пота. Он быстро забрался под одеяло, повернулся к ней спиной и заснул. Дыхание его было спокойным и ровным, будто он проспал рядом с ней всю ночь.

Что это? Катя потянула носом. Откуда этот запах? Когда Марк ложился после душа, от него пахло шампунем и мылом. А сейчас от него несло сыростью, и каким-то... тленом, что ли? «Сыра земля, — ни с того ни с сего мелькнуло у нее в голове. — Мать сыра земля». И тут же Катя поняла: так оно и есть. Это запах земли. Тяжелый, сырой, с примесью чего-то прелого.

Катя лежала неподвижно, слушая его дыхание. Что за черт? Она осторожно приподняла одеяло, разглядывая его пропотевшую на спине майку. Потом осторожно вылезла из кровати и прошла в коридор.

Кроссовки Марка стояли у порога. Вчера вечером они были чистыми. Сейчас их покрывала влажная темная глина с пучками сухой травы. Катя присела на корточки и долго смотрела на них. Потом выпрямилась и прошла на кухню.

Поставив чайник, она стояла у окна и смотрела на пустую улицу. Было начало седьмого. Петухи у соседки давно про-

кричали свое. Небо было белесым, осенним, без единого облака.

Куда он ходил ночью? Почему ничего не сказал? Что это за земля на кроссовках — темная, влажная? Какая-то Федора, странные взгляды, раздражение, нарастающее с каждым часом. Все это началось в один день. В тот день, когда он нашел замок и открыл его, прочитав вслух те слова.

Катя подошла к ящику стола и выдвинула его. Бумажка лежала там, где она ее оставила. Пожелтевшая, хрупкая. «Asher naul, yetse. Asher nishbar, yakum. Asher met, yihye». Она смотрела на буквы и понимала, что не может прочесть их вслух. Не хочет. Что-то внутри — не суеверие, не страх темноты, а что-то более глубокое и более серьезное — говорило ей: не надо. Она задвинула ящик обратно.

Приготовив завтрак и сварив кофе, Катя, прихватив бидон, отправилась к соседке за молоком. Ей хотелось не столько молока, сколько выйти из дома. Соседка, тетя Валя, держала корову. Катя иногда забегала к ней за свежим творогом и прочими молочными радостями.

Обычно с утра у тети Вали никого не было, но в это утро Катя издали заметила, что у калитки соседки стоят три бабули и что-то с жаром обсуждают. Кате послышалось, что они говорят об убийстве на кладбище. Она поздоровалась и, не задерживаясь, прошла в дом.

Тетя Валя, наливая молоко в бидон, спросила:
— Слышала, что ночью-то случилось, страсть какая?

Катя покачала головой.

— На кладбище нашли. Эдика Анисимова, алкаша нашего. Мертвого. И могила рядом разрыта.

— Так там вроде уже не хоронят? — удивилась Катя. — Что он там делал?

— Да железо таскал, что ему еще там делать? Не родню же навещать. А хоронить продолжают, если есть кого. Как раз недавно схоронили Валентину Матвеевну, она хотела там лежать, рядом с мужем. Вот дети и исполнили волю. А сегодня сын приехал с утра на могилу к матери, — говорила тетя Валя, всплескивая руками. — А там земля разбросана и этот Эдик лежит. Глаза открытые, но пустые. И следы вокруг — кто-то топтался. Говорят, кроссовки у него были. Да кто там топтался? Эдик, поди, сам кого-то искал. У него голова всегда была не в порядке, а тут и вовсе...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.